

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-38-51>

УДК 2/25/9/821.162.1

ББК 86.372-4

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. М. А. Корзо
г. Москва, Россия

**К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ
В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ НАЧАЛА XVII В.:
ОБ ИСТОЧНИКАХ «КАЗАНЬЯ НА ПОГРЕБЕНИЕ» (ВИЛЬНО, 1619)
ЛЕОНТИЯ КАРПОВИЧА**

Аннотация: Авторская православная проповедь получает распространение в Речи Посполитой лишь на рубеже XVI–XVII вв. К этому периоду относятся первые опубликованные поучения по случаю бракосочетаний и похорон, также так называемые «материи» или тезисные планы для составления проповедей. Книжное наследие архимандрита Виленского братского монастыря Леонтия Карповича (ок. 1580–1620) является одним из интересных примеров сочетания свято-отеческих традиций экзегетической гомилетики с подражанием польским образцам тематической проповеди. В статье реконструируются источники надгробного поучения Карповича («Kazanie na pogrzebie», 1619), составленного по случаю похорон князя Василия Голицына (произнесено на «простой мове», опубликовано на польском языке). В статье ставится задача реконструировать интеллектуальный ресурс проповеди; на основе приведенных Карповичем ссылок и цитат очертить круг основных источников поучения, в том числе библейских фрагментов. Предпринимаемая реконструкция помогает хотя бы в отдаленном приближении воссоздать круг чтения православных виленских интеллектуалов той эпохи; увидеть элементы сходства источников их эрудиции с curriculum неправославных учебных заведений, а также степень освоения православными авторами польской литературной традиции.

Ключевые слова: православная традиция, проповедь, погребальное поучение, Леонтий Карпович, XVII в., Речь Посполитая.

Информация об авторе: Маргарита Анатольевна Корзо — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12/1, 109240 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6299-5187>

E-mail: korzor@zmail.ru

Дата поступления статьи: 25.11.2022

Дата одобрения рецензентами: 28.12.2022

Дата публикации: 25.12.2023

Для цитирования: Корзо М. А. К истории православной проповеди в Речи Посполитой начала XVII в.: об источниках «Казанья на погребение» (Вильно, 1619) Леонтия Карповича // Вестник славянских культур. 2023. Т. 70. С. 38–51.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-38-51>

Практика устного церковного поучения широко распространяется у православных Речи Посполитой на переломе XVI–XVII вв.: с 1580-х гг. встречаются упоминания о существовании должности «казнодея» или проповедника при монастырях и православных братствах [6, с. 208–210]. Авторские опубликованные тексты исчислялись в эту эпоху единицами, к их числу относится проповедническое наследие Леонтия Карповича (ок. 1580–1620).

Карпович был связан с Виленским православным братством с середины 1590-х гг., преподавал в братской школе и возглавлял типографию. Около 1610 г. он принимает монашеский постриг, в 1615 г. становится архимандритом Свято-Духова монастыря и умирает в этом сане в 1620 г. [4]. Помимо ряда предисловий-посвящений к изданиям виленских братчиков, Карповичу атрибутируются пять слов-поучений: три на «простой мове» и два — на польском языке. При его жизни были изданы «Казанье на Преображение» и «Казанье на Успение» (Евье, 1615; произнесены 6 и 15 августа 1615 г.); слово на воскресенье перед Рождеством сохранилось в рукописи [14; 3, с. 264–279]. Оба польских текста вышли из печати в 1619 г.: по случаю похорон князя Василия Васильевича Голицына (похороны 27 января 1619 г. по старому стилю, предисловие датировано 12 февраля)¹ и по случаю заключения брака князя Самуила Льва Огинского с Софией Билевич (18 апреля 1619 г.). Не исключено, что Карпович произнес гораздо больше поучений; но и сохранившиеся тексты свидетельствуют, что он принадлежал к тому числу православных проповедников, которые умело сочетали святоотеческие традиции экзегетической гомилетики с подражанием польским образцам тематической проповеди [6, с. 211].

В статье ставится задача реконструировать интеллектуальный ресурс погребальной проповеди Карповича («Kazanie na pogrzebie»²), очертить круг основных источников поучения, в том числе библейских фрагментов. Предпринимаемая реконструкция помогает хотя бы в отдаленном приближении воссоздать круг чтения православных виленских интеллектуалов той эпохи.

До «Казаня» Карповича в православной книжности Киевской митрополии встречались единичные погребальные поучения в составе различного рода четких сборников; также в отдельных рукописных «Учительных Евангелиях» со второй половины XVI в. помещено слово устойчивого состава «На день погребу человека христианского» как толкование на фрагмент Ин. 6:47. В рукописи сохранилось надгробное слово Лаврентия Зизания на погребение княгини Софьи Чарторыйской 18.05.1618 г. Проповедь-образец «Поучение на преставление верного человека» была опубликована в «Евангелии учительном» (1619) православного, а затем перешедшего в унию богослова Кирилла Транквилиона Ставровецкого. И только в первой половине 1620-х гг. появляются как авторские тексты, так и лаконичные материи-проповеди, на основании которых можно было составить более развернутый и адаптированный к конкретной ситуации авторский текст.

Но при этом в «Казаню» Карпович утверждает, что произнесение священником поучения на погребение было в порядке вещей («według zwykłego przy takowych actach

¹ Типография на титульном листе не указана. Марек Сквара считает, что проповедь была опубликована у василиан [10, s. 646]. По ряду признаков можно утверждать, что книга печаталась в братской типографии: растительный орнамент заставок идентичен орнаменту братских изданий «Нового Завета» и «Псалтири» 1611 г., также «Псалтири» 1623/1624 гг. Выражаю благодарность Инне Кажуро (Ina Każuro) за помощь.

² Библиотека Чарторыйских (Краков, Польша), шифр 25854-I. Выражаю благодарность Станиславу Сесс-Кшишковскому (Stanisław Siess-Krzyszowski) за помощь в получении фотокпии издания. Далее цитируется в тексте как «Казане».

sposobu») [28, л. А3 об.]. Но имеет ли он в виду практику православных или представителей других конфессий в Речи Посполитой? И у католиков, и у протестантов к 1619 г. существовало довольно много изданий погребальных проповедей [10], в том числе проповедей-образцов в составе богослужебных изданий.

Содержание «Казаня»

Князь Василий Васильевич Голицын (1572–1619) — один из членов московского посольства к польскому королю Сигизмунду III, был арестован и находился какое-то время в польском плену. После освобождения по Деулинскому перемирию он скончался по дороге в г. Гродно. Тело князя привезли для погребения в Виленский монастырь по распоряжению самого короля. Погребальное поучение произносилось на «простой мове». Печатное издание начинается с посвящения Христофору Нарушевичу, земскому подскарбию, писарю и ловчему Великого Княжества Литовского. Именно он передал волю короля о захоронении Голицына в Вильно, и ожидалось, что Нарушевич прибудет на отпевание, но он не приехал. Желанием сделать текст проповеди доступным для Нарушевича Карпович и объясняет перевод надгробного поучения на польский язык. Нет оснований утверждать, что существовало и кириллическое издание проповеди, как считали некоторые исследователи XIX в. [3, с. 43]. При этом известны случаи, когда одна и та же проповедь публиковалась сразу в двух языковых версиях: так поступил преемник Карповича Мелетий Смотрицкий, издав проповедь на кончину почившего архимандрита сначала в ноябре 1620 г. на «простой мове» («Казанье: На честный погребь пречестного и превелебного мужа... Леонтия Карповича», Вильно), а затем в феврале 1621 г. — на польском («Kazanie. Na znamienity pogrzeb przezacnego i przewielebnego Meża, Pana i Ojca Leontego Karpowicza», Wilno).

Карпович признается, что ничего не знает о жизни Голицына [28, л. А3], поэтому основную часть своего поучения хочет посвятить общим рассуждениям о человеческой жизни, и лишь в конце обратится к личности почившего. Вторая часть занимает всего пару страниц в издании, графически отделена от первой короткой ремаркой на полях; между частями нет никакого логического перехода. Темой проповеди Карпович выбирает фрагмент Ин. 5:25, но обращается к нему лишь в последнем абзаце текста, хотя и называет свое поучение «часовой гомилией» («*iednogodzinna homilia*»), что подразумевало экзегезу выбранного библейского текста. В другом месте Карпович называет свое поучение просто «Казане» [28, л. А3 об.].

Два основных сюжета проходят сквозной линией через основную часть проповеди. Первый — это уподобление человеческой жизни комедии. Как комедия состоит из трех частей (начало, середина и конец), так и жизнь человеческая складывается из трех временных отрезков; как комедия предлагается зрителям не только для удовольствия, но и для поучения, так и жизнь человеческая должна быть в итоге назиданием. Карпович проводит параллели между отдельными составными элементами комедии и хронологическими периодами жизни; между состоянием актеров после окончания комедии и смертью человеческого тела. Отличие между комедией и жизнью заключается в том, что актеры всегда знают время и место окончания действия, а человеку такое знание не дано. Вторым сквозным сюжетом «Казаня» является сравнение большого мира с человеком как миром малым. Оба мира имеют общее начало, подчиняются общим законам, идут к общему концу. Оба мира состоят из четырех элементов, оба имеют двоякую цель: вызывать наше восхищение творением и призывают восхвалять Творца.

Несмотря на связанность двух главных сюжетов, каждый из них имеет свою реферативную базу. Основой для «Казаня» служат библейские тексты: Карпович приводит пространные цитаты, но также и глухие отсылки на отдельные библейские пассажи. В поучении встречаются три ссылки на богословов (две из них оформлены как цитаты или, по крайней мере, производят впечатление цитат), две ссылки на античную традицию (одна в форме цитаты, другая как атрибутируемая античному мыслителю сентенция), и одна сентенция близкая по форме к пословице. Именно данные ссылки послужат основой для реконструкции основных источников «Казаня».

**Эпиктет платоник:
«жизнь человеческая подобна комедии»**

Первый из названных основных сюжетов («*żywot ludzki podobny iest Comoedii*») Карпович называет «фундаментом» своего поучения. Он приписывает данное высказывание философу Эпиктету: на полях напротив сентенции стоит «*Epictetus Platonic[us]*» [28, л. А3 об.].

Восходящее еще к античной философии (Платон, киники, стоики, др.) и не чуждое христианской богословской мысли (Августин, Иероним, Иоанн Златоуст, др.) сравнение человеческой жизни с театром или с комедией делает стремительную карьеру в культуре раннего Нового времени. Метафора «театр» в значительной степени вытесняет в XVI–XVII вв. метафору «зеркало», эпоха барокко представляет весь мир как одну большую театральную сцену [8, р. 138–139; 11]. Топос «жизнь как театр» или «жизнь как комедия» встречается и в литературе Речи Посполитой эпохи Леонтия Карповича. Так, в текстах религиозного содержания данный топос использует иезуит Петр Скарга [37, р. 147, 420; 38, р. 223]; в ноябре 1616 г. к нему обращается польский магнат Якуб Собеский в слове на погребение королевского подкомория Анджея Боболи [19]. Упоминает, хотя и не развивает топос «жизнь как комедия» тогда еще православный автор Касиан Сакович в «материи» или тезисном плане проповеди на смерть воина [36, р. 6v.]. Этот образ подметил и Смотрицкий, в посмертном «Ляменте» на смерть Карповича вложив в уста последнего слова, что «Житло наше на землі ровно комедіі» [16, с. 304]³.

У Эпиктета сентенция «жизнь человеческая подобна комедии» не встречается, хотя у него можно найти параллели между жизнью и театром, пьесой, актерской игрой. Но в отдельных памятниках XVI–XVII вв. данное высказывание действительно вкладывается в уста Эпиктету с отсылкой к «Энхиридиону» [17, с. 63]⁴. Помочь в понимании того, из какого конкретно текста Карпович мог позаимствовать данный топос с атрибуцией именно Эпиктету, может характеристика философа как «*Platonicus*».

Стоик Эпиктет не был продолжателем идей Платона, хотя отдельные его мысли вписываются в эту философскую линию. Характеристика «*Platonicus*» могла появиться под влиянием неоплатоника первой половины VI в. Симпликия Киликийского, составившего комментарий на «Энхиридион». Сочинение Симпликия выдержано в неоплатоническом духе, в XVI в. издавалось зачастую вместе с текстом Эпиктета [17, с. 49–50]. Сложно сказать, насколько в школьных курсах философии в Речи Посполитой рубежа

³Позднее топос «жизнь как театр» в качестве ключевого мотива погребальной проповеди использовал Виленский униатский архимандрит Алексей Дубович на погребение виленского воеводы Януша Скумина-Тышкевича [22].

⁴В современном русском переводе это 17-я глава; в разных изданиях XVI – начала XVII в. нумерация глав отличалась, и данный фрагмент мог быть 20-м, 22-м или 23-м.

XVI–XVII в. было принято считать Эпиктета сторонником идей Платона. Но примечательно, что католический декан в г. Олыка (Луцкий район Волынской области, Украина) Феликс Баховский опубликовал в 1652 г. в Кракове фрагменты «Энхиридиона» в очень свободном авторском изложении, назвав сочинение «Муж совершенный, из платоновых правил Эпиктетом составленный» (*Maż doskonały z Platonowych reguł od Epikteta zebrany*), в котором Эпиктет предстает толкователем сентенций Платона. Сочинение имело популяризаторский характер, в 1682 г. вышло вторым изданием, что может говорить о его востребованности.

В католических проповедях характеристика «Epictetus Platonicus» в связке с образом жизни как комедии встречается у испанского иезуита, выпускника новициата в Саламанке, преподавателя философии и морального богословия в коллегии г. Сория (Испания) Хуана Озория (1542–1594). Он составил сборник годовых и праздничных проповедей, который публиковался с 1591 г. и как многотомное издание, и как однотомная сокращенная версия («Epitome», 1598) [7].

В проповедях Озория образ жизни как театра или комедии встречается несколько раз, но с атрибуцией Эпиккету-платонику только дважды: в полном собрании годовых поучений указано также сочинение Эпиктета и номер главы («Praeclare ait Epictetus Platonicus in enchiridio cap. 22. Vita hominum similem esse comoedia») [33, p. 915], а в сокращенном издании — только имя философа на полях («Vita hominum similis est comoediae»). На полях: «Epictetus Platonicus») [34, p. 388].

В памятниках более позднего времени словосочетание «Epictetus Platonicus» удалось обнаружить только в текстах иезуитского происхождения, например, в сборнике гомилий бельгийского богослова-энциклопедиста Лаврентия Бейерлинка: в поучении на день Св. Николая он приводит отрывок из проповеди Озория вместе с упоминанием «Epictetus Platonicus» [20, p. 50]. На территории Речи Посполитой к образу жизни как комедии в связи с упоминанием «Epictetus Platonicus» обращается в конце XVIII в. иезуит Ян Крашевский, включив фрагмент поучения Озория в сборник латиноязычных проповедей [30, s. 64].

Не исключено, что Карпович держал в руках какой-то памятник иезуитского происхождения. Скорее всего это было краткое издание проповедей Озория: фрагмент воспроизводится буквально (сравни: «*żywot ludzski podobny iest Comoedii*» и «*Vita hominum similis est comoediae*»), упоминается «Epictetus Platonicus», но не называется конкретное сочинение философа. У Бейерлинка присутствует отсылка на 22-ю главу «Энхиридиона»; к тому же у бельгийского иезуита приписываемое Эпиккету высказывание приводится в пересказе. Косвенным аргументом в пользу знакомства Карповича именно с текстом Озория может послужить свидетельство Смотрицкого: в одном из своих сочинений униатского периода он перечисляет имена «проповедников римской церкви», которые, по его мнению, были наиболее популярны в православной среде; среди них называется и Озорий [39, s. 6v].

Григорий Нисский: мир большой и мир малый

Рассуждая о сходстве двух миров, Карпович называет единство их предназначения: оба мира созданы как для радости и восхищения, так и для прославления Творца всего сущего. В качестве авторитетного богословского подтверждения «Казане» приводит слова Григория Нисского: «Мудрость, милосердие и вельможество Бога див-

ным образом являет себя в творении человека, которому ничего ни прибавить, ни убавить не нужно» («iż mądrość, miłosierdzie, y wielmożność Boża, w stworzeniu człowieka (ktoremu nic ani przydawać ani uymować nie trzeba) dziwnie się okazuje») [28, л. В]. На полях напротив цитаты стоит ссылка «de opi.hom.», которая указывает на сочинение «Об устройении человека» (De opificio hominis). Функцию введения к данной цитате выполняют два фрагмента псалмов («Ибо ты возвеселил меня, Господи, творением Твоим; я восхищаюсь делами рук Твоих» (Пс. 91:5) и «Дивно для меня ведение (Твое)» (Пс. 138:6)); Карпович даже называет слова Григория толкованием библейского текста.

Из контекста нельзя понять однозначно, относится ли высказывание Григория к обоим псалмам или только к последнему. В сочинении «Об устройении человека» приведенной Карповичем фразы найти не удалось [23], нет и ссылок на названные псалмы. Фрагмент «Дивно для меня ведение (Твое)» встречается у Григория в контексте рассуждений о человеческой природе в еще одном слове о творении человека с зачалом «Debitam auribus vestris opositionem» (далее для краткости — «Слово о творении») [25, р. 35]⁵, которое практически всегда публиковалось вместе с трактатом «Об устройении человека». В собраниях сочинений Григория Нисского XVI–XVII вв. данное слово иногда даже именовалось «Вторым трактатом о сотворении человека». Если Карпович имел в виду действительно «Слово о творении», то это могло бы объяснить, почему он сокращает его название именно как «de opi.hom.».

В действительности «Слово о творении» представляет собой 10-ю беседу на Шестоднев Василия Великого (зачал «Я приступаю к тому, чтобы сполна уплатить старый долг»); в эпоху Карповича оно издавалось в составе творений как Василия, так и Григория. Но и в этом тексте нет буквального соответствия процитированному в «Казаню» фрагменту, хотя в рассуждении вокруг Пс. 138:6 говорится о том, что через познание себя человек может прийти к познанию и восхищению Творцом [25, р. 35]. Можно предположить, что Карпович в момент составления проповеди не имел под рукой книги, поэтому не цитирует, но передает мысль своего источника в общем виде.

Знакомство Карповича с текстами Григория Нисского не вызывает сомнений: в «Казаню» развивается целый ряд мыслей, которые неизменно связывают с именем богослова (например, человек как малый мир состоит из тех же элементов, что и мир большой — вселенная) и которые были хорошо известны в восточнославянской традиции более ранних эпох [5]. В «Казаню» встречается несколько фрагментов, которые могли быть следствием знакомства Карповича с еще одной беседой Григория Нисского о творении человека (издавалась в составе его сочинений как слово второе о творении человека с зачалом «Sapiens ille Salomon») ⁶. Данное слово на самом деле представляет собой 11-ю беседу Василия Великого на Шестоднев (зачал «Премудрый Соломон»).

Возвращаясь к фрагменту, который в «Казаню» отождествляется с высказыванием Григория («Мудрость, милосердие и вельможество Бога...»), выскажу осторожное предположение, что он является результатом совмещения двух мыслей из разных текстов. Конец фразы мог быть навеян рассуждением Григория из трактата «Изложение апологетическое на Шестоднев»⁷, а первая часть фразы и ее привязка к Пс. 138 могла быть следствием знакомства Карповича с толкованием на Шестоднев Амвросия Медиоланского, по крайней мере с 6-й книгой данного сочинения⁸. Помимо содержательного

⁵ В изданиях сочинений Григория той эпохи Пс. 138 в данном месте ошибочно назван 38, а Карпович указывает правильный номер.

⁶ Ср.: «Gdy go względem zacności Ducha wyniosley dumy y prózney chwały wiatr nadymać pocznie...» [28, л. В3v.–В4] и «Cur spiritus tollis? Cur de te magnifice sentis?..» [26, р. 41].

⁷ Ср.: «nihil eorum auferi, nihil imminui, quae mensus est Deus» [24, р. 8].

⁸ «Mirabilis facta est cognitio tua ex me [Ps. 138], hoc est, in meo opera tua mirabilior est facta majestas,

сходства (но не буквального совпадения!), одним из косвенных аргументов в пользу данного предположения может быть факт наличия сочинения Амвросия у виленских братчиков: анонимная «Предмова к читателю» в составе издания «Молитвы повседневные» (1611) в значительной своей части выстраивается на основе именно 6-й книги толкования на Шестоднев Амвросия. Составители предисловия не только используют фактический материал сочинения, но и приводят ряд цитат с указанием конкретных страниц печатного издания [13, л. 3об.нн.]. Сам Карпович в 1611 г. был в тюрьме и не мог быть автором данного предисловия, что не исключает его знакомства с сочинением Амвросия. Если мое наблюдение верно, то Карпович в данном случае опирался исключительно на свою память, а не на печатную книгу или выписки, а потому задействовал ресурс сразу нескольких тематически очень близких текстов.

Иоанн Дамаскин и Иоанн Златоуст

Карпович обращается к авторитету еще двух видных представителей богословской мысли: Иоанна Дамаскина и Иоанна Златоуста.

В первом случае проповедник рассуждает о принятии Иисусом Христом человеческой природы в лоне Богородицы, которая «есть чистое творение» (*pura creatura est*). На полях проставлена отсылка на «Damas. De Assumpt: Deiparae. & alij.» [28, л. B2]. В самом поучении «О вознесении Богородицы» словосочетание «*pura creatura*» буквально не встречается, но Мария характеризуется как «*pura*» не только в данном слове, но и во всех богородичных сочинениях Иоанна Дамаскина [27, р. 352v.–357v.]. «Казане» ссылаются на Иоанна Дамаскина как на одного из многих: указание «и другие» сигнализирует, что речь идет об общем месте в богословских рассуждениях; Карпович мог бы сослаться на любой другой авторитет, но выбирает, судя по всему, один из самых очевидных как для него самого, так и для его читателей.

Ссылка на Златоуста встроена во вторую часть «Казаня» [28, л. C3–C4об.], которая по логике жанра должна была быть частью биографической. Но Карпович вновь повторяется, что не знал умершего лично и ничего не может сказать о его жизни, но считает вероятным («*probabiliter*»), что Голицына нельзя назвать несчастным человеком, ибо по воле короля его хоронят в пределах церковных стен, то есть на святом месте. После пространной благодарности королю и пожеланий процветания Карпович обращается к почившему с риторическим вопросом: мог ли он надеяться на более достойное место погребения? И это служит логическим переходом к рассуждению о том, что в церкви не только приалтарная часть, но и все внутреннее пространство свято. Именно в этом контексте Карпович ссылается на авторитет Иоанна Златоуста, приводя, судя по всему, не цитату, но лишь изложение своими словами мысли богослова, что Господь всегда присутствует в доме молитвы, а не только во время Евхаристии, и сонм певцов небесного хора занимает не только прилегающие к алтарю места.

Лист C4об. несколько поврежден, в том числе и ссылка на сочинение Златоуста на полях: «Chrys. [3?] & 6. <...> Sac.». Судя по всему, речь идет о «Книге о Священстве», перевод которой с греческого языка в сопровождении других статей вышел в 1614 г. из типографии Львовского братства. В 3-м слове только фрагмент 3-й главы очень отдаленно напоминает мысль «Казаня», а из 6-го слова Карпович с большой долей вероятности излагает своими словами фрагмент 4-й главы с зачалом «Тогда и Аггли предъстоять Иерею, и небесныхъ силъ весь чинъ въпѣеть» [12, л. 175]. Неточность передачи текста

in consilio hominis tua sapientia praedicatur» [18, p. 83].

Златоуста может говорить о том, что он воспроизводился по памяти. Не исключено, что Карпович имел в своем распоряжении не только львовское издание, но и какое-то латинское.

Библия в «Казаню»

Как было отмечено, основой для поучения Карповича служат в первую очередь библейские тексты. В проповеди упоминаются 62 фрагмента (включая мотто), как в виде дословных цитат, так и просто отсылок; во всех случаях кроме одного [28, л. В4об.] ссылки на библейские книги (без указания стихов) проставлены на полях.

Среди цитат доминируют фрагменты из Ветхого Завета, за исключением одного все они взяты из Псалмов (поскольку Карпович как духовное лицо вполне мог знать Псалмы наизусть). Книги Нового Завета представлены Апостольскими посланиями, также приводятся две цитаты из Апостольских Деяний и одна — из Евангелия от Иоанна (в качестве мотто). Более двух третей всех цитат буквально совпадает с польским переводом Библии иезуита Якуба Вуйка [21]⁹. Даже когда Карпович излагает библейский текст своими словами, у него можно заметить влияние версии польского иезуита: например, в контексте рассуждений вокруг 1Кор 4:9 используется слово «dziwowisko» [28, л. А4об.]¹⁰. Если приводимые Карповичем библейские цитаты отличаются от версии Вуйка, все отклонения носят незначительный характер. Карпович несколько сокращает библейский текст (Пс. 72:27–28) [28, л. В4об.], изменяет порядок отдельных слов (Пс. 101:26–27: «ugruntował ziemię: a niebiosą są dziełem rąk twoich» [28, л. А4] и «ziemię ugruntował, a dzieła rąk twoich są niebiosą» у Вуйка), или осуществляет очень близкие по значению лексические замены:

	«Kazanie»	«Biblia»
Деян. 17:25	oddech	dech
Пс. 48:13	nierozumnym	bezrozumnym
Пс. 28:7	rozcinający płomień ognia	rozmiatający płomień ognisty

Самой значительной переработке по сравнению с версией Вуйка подвергся фрагмент 2Петр. 3:11 [28, л. С2]; но и в этом случае версия польского иезуита вполне узнаваема.

При цитировании Сирах 9:10¹¹ Карпович заменяет именительный падеж на звательный, а также использует глагол во втором лице:

«Kazanie»	«Biblia»
Przecz że się pysniesz ziemiо у popiele	Przecz że się pyszni ziemia у popioł

Данное изменение могло быть вызвано желанием усилить эмоциональность высказывания, которое Карпович адресует потенциальному читателю. Примечательно, что аналогичным образом видоизменил библейский текст и Петр Скарга в проповеди о смерти (в той самой, в которой он использует образ «мир — это комедия») [37, р. 420].

⁹ Примечательно, что современник Карповича Мелетий Смотрицкий обращался одновременно к нескольким польским переводам Библии, но в том числе и к переводу Вуйка [2].

¹⁰ В латинской версии речь о «spectaculum»; версия Острожской Библии «позорь».

¹¹ «Что гордится земля и пепел?».

Только один раз Карпович процитировал Библию на латыни, не идентифицировав данный текст как библейский. В «Казаню» встречается много латинских слов и словосочетаний, но это единственная законченная фраза на латыни: «Abtinget enim a fine usque ad finem fortiter et disponit omnia suaviter»¹² (Прем. 8:1) [28, л. А4]. Можно предположить, что фраза была позаимствована из какого-то текста, в котором она также не маркирована как библейская цитата, а потому Карпович ее просто не узнал. Также не исключено, что Карпович превращает библейскую фразу в поучительную сентенцию, поскольку меняет контекст ее употребления.

**Сенека:
«Ради большего рожден я»**

Сенека был самым цитируемым в погребальных проповедях той эпохи античным автором. Карпович обращается к его авторитету в контексте рассуждения о величии человека: помня о ничтожестве материала, из которого сотворен человек, он не должен при этом забывать о своем высоком достоинстве. Память об этом способна помочь человеку не погрязать в мирских соблазнах. Карпович оформляет сентенцию Сенеки как цитату: «Ради большего рожден я, чем быть только слугой собственного тела» («Ad maiora natus sum quam ut sim mancipium corporis mei») [28, л. В4].

У старших современников Карповича начало сентенции из 65-го «Нравственного письма к Луциллию» звучало несколько иначе («Maior sum, et ad maiora genitus, quam...») [31, р. 5]¹³. Не исключено, что и в данном случае Карпович цитирует по памяти, а потому незначительно переиначивает начало фразы. Но можно высказать и другое предположение.

В религиозной культуре Речи Посполитой начала XVII в. фраза «Ad maiora natus sum» получила широкое распространение в контексте пропагандируемого польскими иезуитами культа Станислава Костки. Скончавшийся в юношеском возрасте Костка был беатифицирован в 1606 г., почитался иезуитами как покровитель молодежи, первое житие Станислава вышло из печати в 1610 г. Фраза «Ad maiora natus sum» стала жизненным девизом Костки, хотя агиографическая традиция уже в ту эпоху осознавала укорененность этого девиза в сентенции Сенеки [9, с. 189].

Оговорился ли Карпович случайно, поскольку цитировал по памяти, или на эту оговорку повлияло знание девиза Костки — сказать невозможно. Но в любом случае данное предположение выглядит вполне допустимым, учитывая обширную эрудицию Карповича и его погруженность в религиозно-культурную среду Вильно, в которой иезуиты играли в ту эпоху довольно значительную роль.

Гордый павлин с уродливыми ногами

Рассуждая о том, что человеку надлежит всегда помнить, из какого «подлого» материала сотворено его тело — из земли и праха, и что память об этом должна стать лекарством от гордости, Карпович приводит в пример павлина: каждый раз, когда он хочет похвастаться красотой своего оперения и распускает хвост, ему бросаются в глаза

¹² «Она [премудрость] быстро распространяется от одного конца до другого и все устрояет на пользу».

¹³ «Я не так мал и не ради такой малости рожден, чтобы быть только рабом своему телу» [15, с. 113].

его уродливые ноги («взглянув на безобразность своих ног, с брезгливостью относится к красоте оперения»¹⁴).

Ассоциация греха гордости с образом павлина в европейской культуре имеет длительную историю. Данный образ встречался в том числе и в сборнике «Физиолог» (ок. II–III вв.) — обширном источнике сведений о животных и камнях, славянские переводы которого создаются после XIII в. В XVII в. в рукописной форме распространяется версия «Физиолога» митрополита Навпакта и Арты Дамаскина Студита, который описывает павлина как «сѣло гордое животное, зане егда видит человека простирает крыла своя и показуеъ красоту свою <...> богъ даде ему безобразныя ноги <...> сего ради и тои егда принаеъ и видит ноги своя вопиет велегласно» [1, с. 200].

Многочисленные латиноязычные издания о нравах животных раннего Нового времени не упоминают о пронзительном крике павлина. Не упоминает о нем и Карпович, который мог опираться в том числе и на светскую литературную традицию: павлин становится одной из устойчивых аллегорий гордости также в польской художественной и эмблематической литературе. К этому образу неоднократно обращается, в частности, Миколай Рей¹⁵; впоследствии он встречается в лирическом цикле «Мирские прелести» (1606) поэта Иеронима Морштына. Примечательно, что у последнего описание горделивого, но посрамленного павлина сочетается (как и у Карповича) с размышлениями о бренности человеческого тела [32, s. 43]. В издании польско-латинско-греческого словаря 1632 г. польского иезуита, лексикографа Гжегожа Кнапского приводится пословица «Павлин, посмотри на свои ноги, когда распустишь свой драгоценный хвост» [29, p. 825], что может быть свидетельством распространенности пословицы в живом языке. Поэтому не исключено, что наряду со средневековыми «Физиологами» источниками для Карповича могли быть польская литературная традиция и живая языковая практика.

Отсутствие оригинального текста устного поучения не позволяет ответить на вопрос, какие трансформации претерпела проповедь в процессе перевода и превращения ее в письменный текст. Но совершенно очевидно, что смена языка означала также переключение с одного культурного кода на другой; что в устном варианте скорее не было латинских вставок; что Библия цитировалась не на польском языке. Карпович опирается в первую очередь на свою обширную эрудицию, цитируя все проводимые им сочинения по памяти, а потому не буквально и с искажениями. Выбор богословских авторитетов задается скорее всего православной аудиторией, которая присутствовала на похоронах, поскольку имена Григория Нисского, Иоанна Дамаскина и Иоанна Златоуста были частью ее собственной религиозной традиции. При этом упоминание Эпиктета и Сенеки было жестом в сторону образованной публики всех этносов и конфессий Речи Посполитой, поскольку *curriculum* братских школ имело множество точек пересечения с иезуитскими коллегиями и школами протестантов той эпохи.

Список литературы

Исследования

- 1 Белова О. В. Славянский бестиарий: словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 320 с.

¹⁴«[...] poyrzeniem na szpetność nog ślicznością pior swoich pogardzaiącego» [28, л. В4].

¹⁵«Pawik gdy ogon rostoczy ubogi / Wnet mu myśl zginie gdy poždrzy na nogi» [35, s. 219].

- 2 *Кисельов Р.* З яких джерел перекладав євангельські читання Мелетій Смотрицький? // Літературознавчий дискурс від бароко до постмодерну / ред. Н. Левченко. Київ; Люблін; Харків: Майдан, 2020. С. 94–124.
- 3 *Левшун Л. В.* Леонтий Карпович. Життя и творчество. Минск: Экономпресс, 2001. 288 с.
- 4 *Левшун Л. В., Пидгайко В. Г.* Леонтий (Лонгин) Карпович // Православная Энциклопедия. М.: Изд-во Православная Энциклопедия, 2015. Т. 40. С. 505–508.
- 5 *Мильков В. В.* Тексты Григория Нисского в древнерусской книжности и их влияние на отечественную средневековую мысль // Вестник славянских культур. 2014. № 2 (32). С. 141–150.
- 6 *Яковенко Н.* У пошуках Нового неба. Життя і тексти Йоаникія Ґалятовського. Київ: Лаурис; Критика, 2017. 704 с.
- 7 *Bibliothèque de la Compagnie de Jésus / ed. C. Sommervogel.* Bruxelles; Paris: A. Picard, O. Schepens, 1894. Т. 5. 1984 col.
- 8 *Curtius E. R.* European Literature and the Latin Middle Ages / trans. from the German W.R. Trask; introd. C. Burrow. Princeton; Oxford: Oxford UP, 2013. XXVIII, 661 p.
- 9 *Doroszk K.* O wizerunkach św. Stanisława Kostki SJ w polskiej tradycji hagiograficzno-literackiej // *Studia Bobolanum.* 2020. Т. 2. S. 183–211.
- 10 *Skwara M.* Polskie drukowane oracje pogrzebowe XVII wieku. Bibliografia. Gdańsk: Słowo/obraz terytoria, 2009. 733 s.
- 11 *Słobodzian R.* Oblicza metafory teatralnej — pochod przez stulecia. Cz. I // *Acta Universitatis Wratislaviensis. Prace Literackie.* 2008. Т. XLVIII. S. 151–169.

Источники

- 12 *Иоанн Златоуст.* Книга о Священстве. Львов: Тип. Братства, 1614. [60], 448 с.
- 13 Молитвы повседневные от многих святых отец събранные. Евье: Тип. Братская, 1611. [16], 186, [24], 26, [5] л.
- 14 Наука Леонтия Карповича в неділю перед Різдом / опубл. С. І. Маслов // Записки Українського наукового товариства в Києві. 1908. Кн. 2. С. 127–141.
- 15 *Сенека Луций Анней.* Нравственные письма к Луцилию / изд. подгот. С. А. Ошеро-ров. М.: Наука, 1977. 383 с.
- 16 *Смотрицкий М.* Лямент у света убогих на жалосное представление святоблн-вого <...> отца Леонтия Карповича <...> // Українська поезія. Кінець XVI – поча-ток XVII ст. / упор. В. П. Колосова, В. І. Кречотень. Київ: Наукова Думка, 1978. С. 166–179.
- 17 *Эпиктет.* Энхиридион; Симпликий. Комментарий на «Энхиридион» Эпиктета / пер. с греч. А. Я. Тыжова. СПб.: Владимир Даль, 2012. 399 с.
- 18 *Ambrosius Mediolanensis.* Opera. Basel: Frobenius, 1555. Т. 4. 766 p.
- 19 *Bembus M.* Wizervnk szlachcica prawdziwego w kazaniu na pogrzebie Pana <...> Andrzeia Boboli <...>. Wilno: Drukarnia Akademii, 1629. 20 k.
- 20 *Beyerlinck L.* Promptuarium morale super Evangelia festorum totius anni. Köln: A. Hierat, 1614. 634 p.
- 21 *Biblia.* To iest Księgi Starego y Nowego Testamentu. Kraków: Łazarzowa, 1599. [18] k., 1480 s., [28] k., [1] k.
- 22 *Dubowicz A.* Wyprawienie osoby, którą od Boga wziął, y na Theatrum świata szczęśliwie odprawił <...>. Wilno: Drukarnia unicka, 1642. [68] p.
- 23 *Gregorius Nyssenus.* De hominis opificio // *Gregorius Nyssenus.* Opera. Köln: A. Hierat, 1617. P. 11–35.

- 24 *Gregorius Nyssenus*. Explicatio Apologetica in Hexaameron // Gregorius Nyssenus. Opera. Köln: A. Hierat, 1617. P. 1–11.
- 25 *Gregorius Nyssenus*. Oratio I in ea Scripturae verba “faciamus hominem ad imaginem et similitudinem nostrum” // Gregorius Nyssenus. Opera. Köln: A. Hierat, 1617. P. 35–39.
- 26 *Gregorius Nyssenus*. Oratio II in hominis procreationem // Gregorius Nyssenus. Opera. Köln: A. Hierat, 1617. P. 39–42.
- 27 *Ioannes Damascenus*. De Assumptione sanctissimae Dei genitricis // Ioannes Damascenus. Opera. Paris: [s. n.], 1603. 17, [1], 584, [12] p.
- 28 [Karpowicz L.] Kazanie na pogrzebie Kniazia Wasila Wasylawycza Haliczyna. Wilno: [s. n.], 1619. [24] k.
- 29 *Knapski G*. Thesaurus Polonolatinograeci. Kraków: Fr. Cesary, 1632. T. III. 1388 p.
- 30 *Kraszewski J*. Norma Evangelica. Kalisz: SI, 1698. 360 s.
- 31 *Luis de Granada*. Introductionis ad Symbolum Fidei. Köln: C. Gervinus, 1588. [24], 826, [47] p.
- 32 *Morsztyn H*. Światowa rozkosz z ochmistrem swoim i ze dwunastą swych służebnych panien / wyd. A. Karpiński. Warszawa: IBL, 1995. 79 s.
- 33 *Osorius J*. Concionum, De Sanctis. Köln: A. Hierat, 1605. T. III. [14], 1026, [12] p.
- 34 *Osorius J*. Variarum Concionum <...> Epitome. Köln: officina Birchmannica, 1599. [14], 422 p.
- 35 *Rej M*. Apophtegmata. To iest. Krotkie a rostropne powieści <...> // *Rej M*. Zwierciadło, Albo kształt w ktorym każdy stan snadnie się może swym sprawam iako we zwierciadle przypatrzeć. Kraków: M. Wirzbięta, 1567/1568. S. 209–239.
- 36 [Sakowicz K.] Problemata abo Pytania polskie o przyrodzeniu człowieczym. [Kraków]: [s. n.], [1620]. 6 k., 249 s., [24] k.
- 37 *Skarga P*. Kazania o siedmi sakramentach Kościoła S. Katholickiego. Kraków: A. Piotrkowczyk, 1600. [12], 529 s.
- 38 *Skarga P*. Żywoty świętych Starego i Nowego Zakonu. Kraków: A. Piotrkowczyk, 1615. 1255 s.
- 39 *Smotrycki M*. Exethesis abo Expostulatia to iest Rosprawa między Apologią y Antidotem <...>. Lwów: J. Szeliga, 1629. [6], 102 p.

© 2023. Margarita A. Korzo
Moscow, Russia

**ON THE HISTORY OF ORTHODOX PREACHING
IN POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH
AT THE BEGINNING OF THE 17TH CENTURY:
SOURCES OF LEONTIJ KARPOVYČ'S
“KAZANIE NA POGRZEBIE” (VILNO 1619)**

Abstract: The author's Orthodox sermon became widespread in Polish-Lithuanian Commonwealth only at the turn of the 17th century. The first published sermons on the occasion of church weddings and funerals, as well as the so-called “materia” or thesis plans for the compilations of sermons, belong to this period. The book heritage of the Archimandrite of Vilnius Brotherhood monastery, Leontij Karpovyč (ca. 1580–1620),

is one of the noteworthy examples of combining patristic traditions of exegetic homiletics with imitation of Polish models of thematic preaching. The paper explores the sources of Karpovyč's funeral homily "Kazanie na pogrzebie" on the occasion of the funeral of Prince V. Golitsyn (pronounced in "prostaya mova", published in Polish). The study aims to reconstruct the intellectual resource of the sermon on the basis of the given by Karpovyč references and quotations and to outline the main sources of the text, including biblical fragments. This analysis helps to find out the reading circle of Orthodox intellectuals associated with the Vilnius Brotherhood monastery and to identify out the elements of similarity of the sources of their erudition with the curriculum of non-Orthodox educational institutions, as well as the degree to which Orthodox author had mastered the Polish literary tradition.

Keywords: Orthodox tradition, sermon, funeral teaching, Leontij Karpovyč, 17th Century, Polish-Lithuanian Commonwealth.

Information about the author: Margarita A. Korzo — PhD in History, Senior Researcher, RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, 109240 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6299-5187>

E-mail: korzor@zmail.ru

Received: November 25, 2022

Approved after reviewing: December 28, 2022

Date of publication: December 25, 2023

For citation: Korzo, M. A. "On the History of Orthodox Preaching in Polish-Lithuanian Commonwealth at the Beginning of the 17th Century: Sources of Leontij Karpovyč's 'Kazanie na pogrzebie' (Vilno 1619)." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 70, 2023, pp. 38–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-38-51>

References

- 1 Belova, O. V. *Slavianskii bestiarii: slovar' nazvanii i simboliki* [*Slavic Bestiary: Dictionary of Names and Symbols*]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 320 p. (In Russ.)
- 2 Kyselov, R. "Z yakyh dzherel pereklav jevangel's'ki chitannya Meletij Smotryckyj?" *Literaturoznavchij dyskurs vid baroko do postmodernu*, ed. by N. Levchenko. Kijiv, Lublin, Harkiv, Majdan Publ., 2020, pp. 94–124. (In Ukrainian)
- 3 Levshun, L. V. *Leontii Karpovich. Zhizn' i tvorcestvo* [*Leontij Karpovyč. Life and Heritage*]. Minsk, Ekonompress Publ., 2001. 288 p. (In Russ.)
- 4 Levshun, L. V., Pidgajko, V. G. "Leontii (Longin) Karpovich" ["Leontij (Longin) Karpovyč"]. *Pravoslavnaia Entsiklopediia* [*Orthodox Encyclopedia*], vol. 40. Moscow, Pravoslavnaia Entsiklopediia Publ., 2015, pp. 505–508. (In Russ.)
- 5 Milkov, V. V. "Teksty Grigoriia Nisskogo v drevnierusskoi knizhnosti i ikh vliianie na otechestvennuu srednevekovuu mysl'" ["Grigory Nissky's Texts in an Old Russian Booklore and their Influence on Domestic Medieval Thought"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 2 (32), 2014, pp. 141–150. (In Russ.)
- 6 Yakovenko, N. *U poshukah Novogo neba. Zhittya i teksty Joanykiya G'alyatovs'kogo*. Kiev, Laurus, Krytyka Publ., 2017. 704 p. (In Ukrainian)
- 7 Sommervogel, Carlos, editor. *Bibliothèque de la Compagnie de Jésus*, vol. 5. Bruxelles, Paris, Alphonse Picard, Oscar Schepens Publ., 1894. 1984 col. (In French)
- 8 Curtius, Ernst Robert. *European Literature and the Latin Middle Ages*, trans. from the German by Willard R. Trask; introd. Colin Burrow. Princeton, Oxford, Oxford UP Publ., 2013. XXVIII, 661 p. (In English)

- 9 Dorosz, Krzysztof. "O wizerunkach św. Stanisława Kostki SJ w polskiej tradycji hagiograficzno-literackiej." *Studia Bobolanum*, vol. 2, 2020, pp. 183–211. (In Polish)
- 10 Skwara, Marek. *Polskie drukowane oracje pogrzebowe 17 wieku*. Bibliografia. Gdańsk, Słowo/obraz terytoria Publ., 2009. 733 p. (In Polish)
- 11 Słobodzian, Ramona. "Oblicza metafory teatralnej — pochod przez stulecia. Cz. I." *Acta Universitatis Wratislaviensis. Prace Literackie*, vol. 158, 2008, pp. 151–169. (In Polish)